

*Человек имеет возможность
освободить себя от всякой ин-
фекционной болѣзни...*

Пастер.

* * *

*Говорю без шуток: при новом воплощеніи же-
лал бы оказаться, если и не вовсе дикарем, дитей
природы—да, дитей, а не дитятей, — так самым
простѣйшим пахарем, безразлично гдѣ, лишь бы
мнѣ не мѣшали быть им.*

*Не вкусил бы от „Древа познанія добра и зла“
иначе сказать — не знал бы „культуры“ нашей.*

*Не было бы таких страданій для меня, как
нынѣ, не было бы таких тяжелых, страшных ра-
зочарованій.*

*Дѣлал бы свое маленькое дѣло на землѣ, лю-
бил бы и чтил, по-своему, землѣ эту и благода-
рил Господа за солнышко и за дождь, за ночь и за
день, за то, что уравнивал меня с тварями земны-
ми — безгрѣшными, и — не взыщет.*

*С каким бы восторгом отказался я от этих
„даров“, поэтами воспѣтых, философами разъя-
тых до глубин и высот бездонных; от всѣх этих—
Блажен, кто посѣтил сей мір в его минуты роко-
вые, от „Пира всеблаженных“. от чаши с ея
„Безсмертьем“.*

Слова, слова...

Это „Блаженство“ и это „Безсмертье“ познали мы хорошо. Довольно.

Зоркими глазами видим куда мир катится и куда неудержимо докатил... — в ямищу бездонную, чтобы начать сначала.

Лучше бы и не начинать, а как библейское откровение сказывает, жить — существовать от единого „Древа жизни“.

Ив. Шмелев.

Двадцать второго февраля двѣ тысячи сто тридцать четвертаго года был ясный солнечный день на побережьи залива Сан-Франциско. Университетскій город с его сказочно красивыми дачными домиками-особняками, цвѣтами, деревьями и всякой зеленью — Берклей (штат Калифорнія) просыпался с запозданіем против обычнаго времени, так как день двадцать второго февраля, день рожденія перваго американскаго президента Георга Вашингтона, изстари празднуется всѣми добропорядочными жителями страны.

Время приближалось к полудню. Позже всѣх начали суетиться в утопавшем в зарослях столѣтняго сада особнякѣ ректора Калифорнійскаго Государственнаго Университета Джемса Уильямсона.

Около полудня к профессору Уильямсону постучался приват-доцент Калифорнійскаго Университета, молодой доктор медицины, лауреат высшей государственной преміи Джон Уайт. Он был немного ниже средняго роста, брюнет с правильными чертами лица и красивыми голубыми глазами. Взгляд его был необыкновенно рѣшительным с замѣтным отпечатком задумчивости. Знавшіе его люди частенько говорили про него: „He does lot of thinking“ *). Доктор Уайт зашел, когда семейство профессора Уильямсона усаживалось за утренній кофе.

— Здравствуйте, господа — сказал доктор Уайт.

*) Он очень много думает.

— Здравствуйте, доктор. — привѣтливо отвѣтили встрѣтившіе его.

— Садитесь пожалуйста, доктор, — сказал профессор Уильямсон — А мы вас, доктор, потеряли и думали, что с вами случилось что-то недоброе. Вѣдь сегодня исполнилось ровно три мѣсяца со дня вашего таинственного исчезновенія. Мы знаем, что вы и раньше исчезали и безвѣстно отсутствовали иногда по цѣлой недѣлѣ, но... три мѣсяца срок очень большій.

— Да, профессор, срок моего исчезновенія очень большой, но зато и результат длительного уединеннаго мышленія гораздо большій.

— А по-моему, доктор, вы совершенно зря стараетесь: вы, в ваши двадцать восемь лѣт, имѣете высшую государственную премію, а второй преміи вам все равно не дадут, — улыбаясь сказал профессор Уильямсон.

— О преміях я совершенно не думаю, профессор, а провожу время в уединенном мышленіи из-за того, что меня влечет к открытіям и усовершенствованіям.

— Так чѣм же порадуете нас на сей раз, доктор? — допытывался профессор.

— За три мѣсяца моего уединенія мнѣ удалось обдумать и заготовить доклад о **новой медицинской эрѣ**, долженствующей наступить в ближайшем будущем, — задумчиво произнес доктор Уайт.

— Так начинайте же, доктор, ваш доклад, хотя бы кратко излагая главную суть его, — любопытствовал профессор.

— Хорошо, профессор, — согласился доктор, — однако, как всегда, предпочел бы имѣть мѣстом доклада вашу чайную бесѣдку в саду, ибо я твердокаменный первобытник и превыше всего цѣню лоно природы, — сказал доктор Уайт и

достал из кармана конспект исторического, впоследствии всемирноизвестного проекта.

Вся компания разместилась за столом чайной бесѣдки, сплошь увитой густым зеленым плющом. Доктор Уайт окинул взглядом собесѣдников и начал вдумчиво читать конспект своего проекта.

— По-моему теперь должна наступить в медицинском мѣрѣ новая эра. Совершенно не кривя душой, без страха за преувеличеніе, можно сказать, что эра эта могла бы начаться болѣе двух столѣтій тому назад, то-есть в концѣ девятнадцатаго вѣка, но, по-моему, не наступила она до сего времени по причинѣ всемирно - общественнаго неустройства и прикрѣпленности мысли выдающихся государственных и ученых людей к войнѣ и возможности ея возникновенія. Теперь же, когда есть вѣроятныя предположенія, что войны канули в лету, наступил благоприятный момент для основоположенія новой эры. Мнѣ кажется, что всѣ мы, медики, не дѣлали многого из того, что мы при правильной постановкѣ дѣла служенія медицинѣ, должны были бы и могли бы дѣлать. Одна из главных задач современной корпорацій медиков рисуется мнѣ ввидѣ недостатка единомыслія во взглядах медиков разных стран на многіе весьма существенные вопросы медицины, а это побуждает и, даже, обязывает нас к созданію основнаго единогонаправляющаго медицинскаго центра*). Да. Я твердо рѣшил изложить свою точку зрѣнія на созданіе такого центра, однако, слѣдует замѣтить, что это — путь тернистый, и не сразу удастся достигнуть конечной цѣли.

*) Во всей этой книгѣ нѣтъ даже и одной страницы, трактующей о созданіи всемирнаго объединенія докторов. Дѣлаю эту оговорку для того, чтобы не ввести читателя на ложный путь, так как единогонаправляющій центр, в прямом смыслѣ этого слова, не является квинт-эссенціей доклада доктора Уайта.

За мое трехтысячное уединение мне удалось не только обдумать, но и изложить на бумаге те пути, которые, в конце концов, приведут к единоподлежащему центру.

Свои труды по этому вопросу я опубликую на днях в Объединенном Синдикате Радиопринтов*) и уличных и квартирных громкоговорителей, чтобы лекция моя стала одновременно известной и в письменной и в устной форме. — Доктор Уайт перевел дух, остановил взгляд на лице профессора и сказал: — Надеюсь, коллега, на вашу верную и дружескую помощь и очень прошу вас и ваших друзей медиков поддержать меня в моем новом, трудном начинании.

— Отлично, — сказал своим старчески завядшим голосом профессор Уильямсон и, спохватившись, добавил: — однако при условии, что сущность ваших смелых мыслей совпадет с моим мнением, хотя бы в главных частях вашего новшества.

— Вы всегда были моим сторонником, профессор, — с едва заметной улыбкой произнес доктор Уайт, — надеюсь и теперь не оставите меня в сиротливом одиночестве.

— Теперь я приступлю к чтению проекта, — сказал доктор Уайт. — Сначала я кратко перечислю содержание конспекта проекта по пунктам, а затем разъясню все подробно.

Пункт первый. Положить начало функционированию международного обмена медицинскими академическими комиссиями.

Пункт второй. Создание внутригосударственных передвижных медицинских комиссий.

Пункт третий. Основание медицинского городка и медицинского дворца (в этом городке).

*) Радиоприемники, немедленно печатающие принятую радиопередачу.

Пункт четвертый. Основаніе медицинскаго капитула орденов.

Пункт пятый. Открытіе ежегодной одноѣ-сячной медицинской ярмарки в медицинском городкѣ.

Пункт шестой. Основоположеніе кастовому институту медицинских монахов и установленіе хартіи прав и обязанностей медицинских монахов к обществу и общества к ним.

Профессор Уильямсон сидѣл неподвижно и, напряженно вслушиваясь в чтеніе, погрузился в глубокую задумчивость. Наконец, обратившись к доктору, но нетерпѣливо, сказал:

— Вы, друг, по-моему, говорите об очень серьезных вещах. Мнѣ кажется, что сквозь мрак вѣков вам, доктор, в нѣкотором отношеніи, удалось разрѣшить задачу Архимеда — найти точку опоры и перевернуть „шар“, правда, шар только медицинскій.. Теперь, надѣюсь, вы перечислите только-что прочитанные пункты подробно..

— Начну, придерживаясь примѣрно того же порядка, которым я перечислил все по пунктам, но только не будьте в претензіи, что я вас задержу и вам не удастся провести сегодняшній день по расписанію, — сказал доктор и обвел взглядом аудиторію.

— Лично про себя могу сказать, доктор, что я готов слушать вас хоть до Второго Пришествія, но... как всѣ остальные? — спросил профессор, окинув взглядом собесѣдников.

— Просим, просим, — послышались дружные возгласы сидѣвших за столом.

— Начинаем с пункта перваго, — сказал доктор Уайт. Международный обмѣн медицинскими академическими комиссіями с виду прост и сух. Представим себѣ обмѣн между двумя государствами, напримѣр: Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Франціей. Каждое из упомяну-

тых государств составляет комиссію из ста, ста пятидесяти наиболее знаменитых и прославленных профессоров и докторов, подраздѣлив каждую комиссію на подкомиссіи по каждой отдѣльной специальности (внутреннія болѣзни, кожныя и т.д.). Составленными комиссіями взаимно обмѣниваются. Конечно, обѣ стороны должны надлежаще подготовиться. Подготовка к встрѣчѣ иностранной медицинской академической комиссіи такова: комиссію имѣет свой строго опредѣленный и заранее намѣченный маршрут. Тѣ госпиталя, которые посѣтит комиссію, должны имѣть свой округ и концентрировать в себѣ больных тѣх категорій, которые подлежат осмотру комиссіей. Вот, примѣрно, тѣ категоріи, что подлежат осмотру.

Первая категорія. Неопредѣленный діагноз.

Вторая категорія. Больные, которые в теченіе длиннаго ряда лѣтъ лѣчились у многих докторов и перебивали во многих госпиталях. .

Третья категорія. Больные этой категоріи — тѣ же, что и второй, но, послѣ долготных мытарств, нашедшіе рациональные способы лѣченія и излѣчившіеся. Показываются они комиссіи, как цѣнный вклад в науку, и цѣль их освидѣтельствванія — возможность обнаруженія новых средств лѣченія той или иной болѣзни.

Путь слѣдованія, мѣста остановок комиссіи и всѣ прочія детали должны быть тщательно разработаны. Частнопрактикующіе врачи могут предлагать больных в районные госпиталя для осмотра, но для этого требуется, чтобы не менѣе пяти врачей дали исторію болѣзни больного и перечислили средства, примѣненные при лѣченіи его. Необходимо также присяжное заключеніе всѣх пяти врачей, что даннаго больного, по их опредѣленію, документально доказанному и достаточно вѣско мотивированному, необходимо подвергнуть осмотру иностранной медицинской академической

комиссіей. Каждый больной, рекомендованный группой частных врачей, пользуется консилиумом районного госпиталя в составѣ от десяти до двадцати врачей (рѣдко менѣе). Консилиум, параллельно провѣркѣ свѣдѣній, представленных в исторіи болѣзни того или иного лица, опредѣляет: представить международной комиссіи или рекомендовать какія-либо другія средства. Если консилиум найдет, что мѣстные средства еще не совсем исчерпаны, то назначает неиспользованныя мѣстные средства.

Примѣчаніе: больные опредѣленно неизлѣчимыми болѣзнями осмотру комиссіей не подлежат.

Слѣдует отмѣтить, что одной из трудных и отвѣтственных задач консилиума — веденіе нумераціи больных по степени их необходимости представленія комиссіи. Многим это покажется чѣм-то вродѣ взвѣшиванія невѣсомаго и измѣренія неизмѣримаго. Для пояснительнаго примѣра предположим, что больных для представленія комиссіи по данному району оказалось триста пятьдесят, а по программѣ намѣчено двѣсти, в таком случаѣ первые двѣсти номеров (пріоритет порядковаго счисленія) подвергаются осмотру иностранной медицинской академической комиссіей, а лишніе остаются первыми кандидатами для осмотра внутригосударственной передвижной медицинской комиссіей.

Иностранную комиссію встрѣчает мѣстная медицинская подкомиссія, количественно почти та же, что и пріѣхавшая иностранная комиссія. Эта подкомиссія, разбившись по специальностям (секціям, подотдѣлам что ли), совершает совмѣстный с иностранной комиссіей объѣзд всѣх районов, стараясь возможно больше воспринять у иностранных знаменитостей того, что является чѣм-то новым, своеобразным или оригинальным в том или ином отношеніи.

Я изложил вам, профессор, эту главную часть моего проекта, как конспект, однако при тщательном изученіи это окажется не так просто, как представляется на первый взгляд, но, в конечном итогѣ, осуществленіе моей идеи возможно и практически достижимо, — прерывая свой доклад, закончил доктор Уайт и, сдѣлав небольшую паузу, задумчиво и сосредоточенно продолжал:

— Пункт второй. Говоря о созданіи внутригосударственных передвижных медицинских комиссій, слѣдует предположить, что онѣ однородны по структурѣ с их родными сестрами—международными комиссіями. Онѣ также должны состоять из выдающихся медиков страны, с тою лишь разницей, что онѣ совершают объѣзд районов без подкомиссіи. Сѣвѣты членов комиссії должны выслушивать и выполнять врачи тѣх районных госпиталей, гдѣ происходит осмотр.

Примѣчаніе: тѣ же, что и при иностранной комиссіи, но нѣсколько смягченныя правила пріема больных „с воли“.

Доктор Уайт вновь оживился, обвел взглядом присутствующих и, с всепокоряющей внутренней силой и убѣдительностью, продолжал: — Мнѣ думается, дорогой профессор, что многіе медики поставят мнѣ в упрек то, что я дерзнул рѣшительно настаивать, главным образом, на международном медицинском обмѣнѣ, а не внутригосударственном, но в этом я упорен и никогда никаким уговорам не поддамся. Отдавая должное внутригосударственным комиссіям, я уже теперь врос в международный медицинскій обмѣн. Это спартанское упорство я пріобрѣл во время пребыванія в Китаѣ, Тибетѣ, Японіи, Индіи и, особенно, в Россіи. Для меня ясно, что в каждой странѣ разные люди, различныя климатическія и иныя условія, разные способы лѣченія, далеко не одинаков склад мышленія. Скажу короче: разница